

«Сад бабочек» Дот Хатчисон красив и ужасен одновременно — спокойно и обыденно в нём идёт речь о таких вещах, от которых холодок бежит по спине и кровь стынет в жилах. Роман прекрасен и страшен, как татуировки крыльев бабочек на спинах пленниц, живущих в волшебном Саду. Внешняя красота оборачивается внутренним адом. От него никуда не уйти — даже после своей короткой жизни «бабочки» навечно будут законсервированы в прозрачной смоле под стеклом, чтобы Садовник мог любоваться ими. Это даже не Коллекционер Фаулза — тому и не снился такой размах и такая спокойная уверенность в собственных силах, уверенность в том, что он сможет держать под контролем не одну, а целых два десятка бабочек одновременно в течение трёх десятков лет. Но одной детали Садовник всё же не учёл — и вот его тайна раскрыта. Выжившие пленницы теперь свободны, но смогут ли они выжить на свободе после нескольких лет существования в адском Саду?

Книжный сервис ReadRate.com

ГРАНД МАСТЕР

книги для искушенного читателя

**Издательство «ГрандМастер» входит
в холдинг «Эксмо» и самостоятельно
определяет редакционную политику.**

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

**В ближайшее время вас ждут новинки
в других сериях издательства «ГрандМастер»**

Долгожданное продолжение культовой серии Стига Ларссона «Миллениум» о «девушке с татуировкой дракона» – новый роман от Давида Лагеркранца.

Новинка от ГрандМастера исторического романа Саймона Скэрроу.

ДОТ
ХАТЧИСОН
САД
БАБОЧЕК

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X25

Dot Hutchison

THE BUTTERFLY GARDEN

© 2016 Dot Hutchison. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Филитта Барбышева*

Хатчисон, Дот.

X25 Сад бабочек / Дот Хатчисон ; [пер. с англ. Р. Н. Прокурова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Грандмастер психологического триллера).

ISBN 978-5-699-98901-0

Роман «Сад бабочек», вышедший в США в 2016 году, буквально взорвал рейтинги «Амазона», уверенно и надолго став бестселлером №1 этого крупнейшего книжного рынка. Читателям стало ясно: на небосклон остросюжетной литературы взошла новая звезда, по своему таланту сравнимая с такими мастерами жанра, как Томас Харрис, Джон Фаулз и Дэвид Болдаччи...

Эти девушки знают его лишь как Садовника – мужчину, который похитил их и поселил здесь, в таинственном саду под стеклянным куполом, с тенистыми деревьями и прекрасными цветами, ручьем и водопадом. Но для них это место – не рай, а сущий ад. И они ни на секунду не забывают: век их короток, как век бабочек, вытатуированных на их спинах, и может оборваться в любой момент. А сколько им отмерено жить, решает один лишь Садовник...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Р.Н. Прокуров, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98901-0

*Маме и Дэбу
за то, что отвечали на вопрос
и только потом вдумывались
в его жуткий смысл.
И за все прочее.*

Глава I ■

Она не произнесла ни слова с той самой минуты, как ее привели сюда. На первый взгляд в этом нет ничего удивительного, учитывая, через что ей пришлось пройти. Но теперь, глядя на нее сквозь зеркальное стекло, он понимает, что не стоит спешить с выводами. Девушка сидит ссутулившись на жестком металлическом стуле, подперев подбородок перевязанной рукой, а другой выводит бессмысленные узоры по стальной поверхности стола. Под полуприкрытыми глазами темнеют круги, черные невымытые волосы собраны на затылке в небрежный пучок. Она измотана, это очевидно.

Но о психологической травме речи не идет.

Потягивая кофе, специальный агент ФБР Виктор Хановериан наблюдает за девушкой и дожидается возвращения своей группы. Или по крайней мере своего напарника. Третий член группы еще в больнице, пытается уточнить состояние остальных девушек и, если удастся, узнать их имена и снять отпечатки пальцев. Другие агенты и специалисты — в поместье. Сведений пока немного, однако и этого более чем достаточно: Виктор едва удерживается от того, чтобы позвонить домой и убедиться, что девочки в порядке. Но он лучше ладит с людьми, умеет найти к ним подход, особенно к детям, перенесшим психологическую травму.

Поэтому разумнее будет остаться и побеседовать с потерпевшей.

По ее лицу и по одежде размазаны грязь и сажа. Вокруг носа и рта еще видны бледно-розовые следы от кислородной маски. Обе ладони и левое запястье забинтованы, под тонкой блузкой просвечивают бинты. Кроме этой блузки, в больнице кто-то дал ей зеленые медицинские брюки. Она дрожит, приподняв босые ноги над холодным полом, но еще ни разу не пожаловалась.

Виктор даже имени ее не знает.

Из всех, кого удалось спасти — или тех, кого спасти было поздно, — очень немногих он может назвать по имени. А эта девушка не говорила ни с кем, кроме других девушек. И даже тогда не проскользнуло ни одного имени, никаких сведений. Только... да уж, сложно назвать это словами утешения. «Вы или погибнете, или будете жить. Лучше расслабьтесь, и пусть врачи делают свое дело», — прозвучало не слишком обнадеживающе, но остальные девушки, похоже, прислушались к ней.

Она расправляет плечи, медленно вытягивает руки над головой и выгибается дугой. Микрофоны транслируют противный хруст позвонков. Потянувшись, девушка вновь опускается на стол, сложив ладони и прижавшись щекой к металлической поверхности. Она знает, что за зеркалом кто-то есть, и отворачивается к стене. Однако теперь у Виктора есть возможность осмотреть контуры рисунка.

В больнице ему дали фотографию. Чуть выше лопатки виден лишь край пестрого узора. Большую часть рисунка разглядеть сложнее, но блузка недостаточно плотная, чтобы скрыть его полностью. Виктор вынимает из кармана фото и прикладывает его к стеклу, сравнивая снимок с тем, что видит сейчас на спине

девушки. Казалось бы, ничего примечательного — не будь такого же рисунка у всех прочих девушек. Кроме одной. Расцветка и контуры разные, но суть одна.

— Как по-вашему, это его рук дело? — спрашивает кто-то из аналитиков, глядя в монитор. Одна из камер установлена в углу комнаты и направлена на лицо девушки. Глаза ее закрыты, дыхание ровное и глубокое.

— Надеюсь, скоро выясним.

Он предпочитает не строить догадок, особенно в тех случаях, когда известно еще слишком мало. А этот случай — один из немногих в его карьере, когда все оборачивалось таким кошмаром, что они и представить себе не могли. Виктор привык предполагать худшее. Если пропадает ребенок, то работаешь как проклятый, ищешь, но не рассчитываешь в конце концов обнаружить бедняжку живой. Ты, может, и надеешься. Но ждешь всегда худшего. Хановериан видел тела до того маленькие, что поневоле задумывался, существуют ли гробы таких размеров. Видел детей, изнасилованных в том возрасте, когда они и слова такого не знают. Но этот случай совершенно нетипичен, и Виктор сбит с толку.

Он даже не знает, сколько этой девушке лет. Врачи дают ей от шестнадцати до двадцати двух, но от этого не легче. Если ей шестнадцать, то рядом с ней должен находиться представитель от службы опеки. Но в больнице от них и так проходу нет. Их помощь может оказаться весьма полезной, только вот при этом они здорово путаются под ногами. Виктор пытается представить, что бы делали его дочери, будь они заперты в комнате, как эта девушка. Но ни одна из них не может похвастаться такой выдержкой. Значит ли это, что она старше? Или просто научилась сохранять неприкрытый вид?

— От Эддисона и Рамирес еще что-нибудь есть? — спрашивает он, не сводя глаз с девушки.

— Эддисон возвращается. Рамирес еще в больнице, с родителями самой младшей девочки, — отвечает одна из женщин.

Ивонна старается не смотреть на девушку в комнате, даже на мониторы не взглянет. Она сегодня первый день после декрета, дома у нее маленькая дочь. Виктор думает, не отстранить ли ее от дела, но она, пожалуй, и сама скажет, если ей станет тяжело.

— Это с нее начался розыск?

— Она пропала всего несколько дней назад. Отправилась в торговый центр с друзьями и исчезла. Как говорят друзья, пошла в примерочную и не вернулась.

Что ж, одной меньше.

В больнице они сфотографировали всех девушек — даже тех, кто умер по дороге, — и теперь проверяли их по базе данных. Но на это уйдет еще некоторое время. У тех, кто пострадал меньше остальных, агенты и врачи пытались узнать имена. Но они только оглядывались на эту девушку, которую явно считали своим лидером, и в большинстве своем молчали. Некоторые, казалось, что-то взвешивали, а потом принимались плакать и поднимали на уши медсестер.

Но с этой девушкой все было иначе. Когда с ней заговаривали, она просто отворачивалась. Можно подумать, ей нет никакого дела до тех, кто ее найдет.

И кое-кто из группы даже сомневается, что она жертва...

Виктор допивает кофе и со вздохом сминает стаканчик, бросает его в мусорное ведро возле двери. Он бы предпочел дождаться Рамирес. В подобных обстоятельствах при допросе всегда желательно присутствие женщины. Вот только дождется ли он ее? Неизвестно, сколько еще времени она пробудет с родителями, и не

приедут ли в больницу другие, когда в СМИ опубликуют фото. Если опубликуют, поправляет сам себя Виктор и хмурится. Он терпеть этого не может. Терпеть не может, когда фотографии жертв появляются на экранах и в газетах — и не дают им забыть того, что с ними случилось. По крайней мере, можно подождать до тех пор, пока не придут данные пропавших девушек.

У него за спиной распаивается дверь и громко хлопает. Комната звуконепроницаема, но стекло вибрирует, и девушка, быстро выпрямившись, смотрит на зеркало. И на тех, кто за ним стоит.

Виктор не оборачивается. Никто не хлопает дверью так, как Брэндон Эддисон.

— Какие новости?

— Сопоставили несколько последних заявлений о пропаже, родители едут. Пока что все с Восточного побережья.

Виктор убирает фотографию со стекла и прячет обратно в карман.

— А насчет нашей подопечной?

— Некоторые называли ее Майей, после того как ее забрали. Фамилии не слышали.

— Имя настоящее?

Эддисон фыркает.

— Сомневаюсь. — Он пытается застегнуть куртку, надетую поверх футболки с принтом «Редскинз»¹. Когда оперативная группа обнаружила выживших, у Виктора и его людей был выходной, и их вызывали в спешке. Зная повадки Эддисона, Виктор рад, что на футболке нет голых женщин. — Мы отправили группу обыскать дом. Может, ублюдох сохранил что-нибудь из личных вещей...

¹«Вашингтон редскинз» — американский профессиональный футбольный клуб (американский футбол).

— Хотя мы оба понимаем, что он посягнул на самое личное, что у них было.

Эддисону, вероятно, вспомнилось увиденное в поместье. Он не спорит.

— Почему она? — спрашивает Брэндон. — Рамирес говорит, там были и другие, кто в состоянии говорить. Они напуганы, и до них, наверно, легче достучаться. А с этой, похоже, пойдет не так гладко.

— Остальные смотрят на нее. Я хочу знать почему. Им всем не терпится попасть домой, так почему же они смотрят на нее и отказываются отвечать на вопросы?

— Думаешь, она как-то причастна к этому?

— Это нам и предстоит выяснить. — Взяв бутылку воды со стойки, Виктор делает глубокий вдох. — Ладно. Давай поговорим с Майей.

Они входят; девушка устраивается поудобнее на стуле, сплетает забинтованные пальцы на животе. Ее поза, вопреки ожиданиям, ничем не выдает напряжения. Судя по хмурому взгляду, Эддисон тоже озадачен. Она оглядывает обоих, очень внимательно, и невозможно прочесть по ее лицу, что она при этом думает.

— Спасибо, что согласились пойти с нами, — произносит Виктор, не упомянув, что особого выбора у нее и не было. — Это специальный агент Брэндон Эддисон, а я — руководящий специальный агент Виктор Хановериан.

Уголки ее губ чуть приподнимаются. Трудно назвать это улыбкой.

— Специальный агент Виктор Хановериан, — повторяет она хриплым от дыма голосом. — С ходу и не выговоришь.

— Зовите меня Виктором, если вам удобнее.

— Мне без разницы. Но все равно спасибо.

Виктор отвинчивает крышку и протягивает ей бутылку, а сам при этом обдумывает манеру общения. Она явно не из пугливых и довольно спокойно воспринимает все произошедшее.

— Как правило, на этом знакомство не заканчивается.

— Добавьте пикантных подробностей? Вы любите плести корзинки и плаваете на длинные дистанции, а Эддисон щеголяет по улицам на каблуках и в юбке?

Брэндон бьет кулаком по столу и повышает голос:

— Ваше имя?

— Вы не очень-то учтивы.

Виктор закусывает губу и с трудом сдерживает улыбку. Вряд ли это поможет делу — и уж точно не поднимет настроение Эддисону, — но удержаться трудно.

— Не могли бы вы представиться?

— Пожалуй, нет. Не думаю, что мне бы этого хотелось.

— Некоторые зовут вас Майей.

— Так зачем же спрашивать?

Эддисон с шумом втягивает воздух, но Виктор не обращает внимания.

— Нам хотелось бы знать, кто вы и как здесь оказались. Мы помогли бы вам вернуться домой.

— А что, если я не нуждаюсь в вашей помощи?

— Тогда странно, почему вы не отправились домой раньше.

В этой полуулыбке и чуть приподнятой брови можно увидеть одобрение. Она довольно красива. Бронзовая кожа и светло-карие, почти янтарные глаза. Но с ней не все так просто. Ее улыбку придется заслужить.

— Думаю, мы оба знаем ответ. Главное, что я уже не там, верно? А домой могу вернуться и отсюда.

— А где ваш дом?

— Даже не знаю, существует ли он теперь.

— Мы тут не в игры играем, — ворчит Эддисон.

Майя мерит его холодным взглядом.

— Нет. Конечно же, нет. Погибли люди, столько жизней поломано... И уверена, вам пришлось оторваться от важного матча.

Эддисон краснеет и вздергивает повыше молнию куртки.

— Не похоже, что вы нервничаете, — замечает Виктор.

Она пожимает плечами и делает глоток, осторожно обхватив бутылку забинтованными руками.

— А должна?

— Людям, как правило, не по себе от разговоров с ФБР.

— Не вижу особой разницы с разговорами с... — она прикусывает рассеченную нижнюю губу.

— С кем? — мягко уточняет Виктор.

— С ним, — отвечает она. — С Садовником.

— Человек, который удерживал вас, вы говорили с его садовником?

Майя качает головой:

— Он был Садовником.

Только не думайте, что я называла его так из страха, или почтения, или из ложного чувства приличия. И вообще не я его так назвала. Это имя, как и многое другое, появилось от нашего незнания. Если мы чего-то не знали, то просто додумывали или постепенно теряли к этому интерес. Думаю, это какая-то форма прагматизма. Люди нежные и отзывчивые, которые отчаянно нуждались в одобрении других, станови-

лись жертвами стокгольмского синдрома¹. А остальные склонялись к прагматизму. Я насмотрелась и на тех, и на других, поэтому стою ближе к прагматикам.

Я услышала его имя в первый же день, как попала туда.

Когда я пришла в себя, голова раскалывалась как с самого страшного похмелья, какое мне только доводилось испытывать. Поначалу я даже глаза не могла открыть. Каждый вдох отдавался болью в черепе, не говоря уже о движении. Должно быть, я застонала, поскольку почувствовала вдруг на лице мокрую тряпку. И женский голос заверил меня, что это просто вода.

Не знаю, что меня встревожило больше: тот факт, что она, очевидно, проделывала это не в первый раз, или то, что это вообще была *она*. Среди тех, кто меня похитил, не было женщины, это я знала точно.

Чья-то рука скользнула мне под шею и осторожно приподняла. Затем к моим губам поднесли стакан.

— Просто вода, можешь мне поверить, — повторил голос.

Я глотнула. Меня не особо волновало, была ли это «просто вода» или что-то еще.

— Сможешь проглотить таблетку?

— Да, — прошептала я, и от одного этого звука голу вновь пронзила боль.

— Тогда открой рот.

Я послушалась; она положила мне на язык две таблетки и вновь поднесла стакан. Я покорно глотнула, и она вновь уложила меня на прохладную простыню. Я постаралась сдержать рвотный позыв. Потом она

¹ Стокгольмский синдром — психологический термин, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия.

довольно долго молчала. Когда у меня под веками перестали плясать цветные пятна, я начала понемногу шевелиться. Тогда она сняла тряпку с моего лица и за-слонила мне глаза от светильника, чтобы я проморгалась.

— Ты проделываешь это не впервые, — просипела я.

Женщина протянула мне стакан воды.

Она сидела возле кровати, ссутулившись, но и так нетрудно было заметить, какая она высокая. Высокая и жилистая. У нее были длинные ноги и крепкие мускулы, как у амазонки. А может, и львицы, потому что двигалась она мягко, как кошка. Каштановые волосы собраны в причудливую прическу и не скрывали строгих черт лица, глаза темно-карие с золотыми вкраплениями. И на ней было черное шелковое платье, застегнутое у самого горла.

Кажется, она приняла мои слова с некоторым облегчением. По-моему, лучше уж так, чем биться в истерике, а уж этим она, наверное, была сыта по горло.

— Можешь звать меня Лионеттой, — сказала она, когда я насмотрелась вдоволь и вновь переключилась на воду. — Но не нужно называть своего имени, мне все равно нельзя произносить его. Лучше забудь о нем, если сможешь.

— Где мы?

— В Саду.

— В Саду?

Она пожала плечами, и даже в этом мимолетном движении было что-то изящное, грациозное.

— Можно называть его как угодно. Хочешь взглянуть?

— И ты не знаешь, как отсюда выбраться?

Она лишь взглянула на меня.

Что ж, ладно. Я села, свесив ноги с кровати и уперев кулаки в матрас, и только тогда обратила внимание, что на мне ничего нет.

— А одежда?

— Вот, — Лионетта протянула мне обрезок черного шелка.

Это было облегающее платье. Оно доходило до колен и застегивалось вокруг шеи, и у него был вырез на спине. Глубокий вырез. Будь у меня ямочки над ягодицами, это не укрылось бы от Лионетты. Она помогла мне одеться и легонько подтолкнула к двери.

Комната была довольно скромная: лишь кровать и маленький унитаз с раковиной в углу. В другом углу помещался своего рода открытый душ. Стены были выполнены из толстого стекла с проемом вместо двери. С обеих сторон по стеклу тянулись полосы.

Лионетта заметила, как я смотрю на эти полосы, и нахмурилась.

— Это перегородки. Они опускаются, чтобы мы никуда не выходили и нас никто не видел, — пояснила она.

— Часто?

— Иногда.

В обе стороны от дверного проема тянулся узкий коридор. Правда, слева он был довольно короткий и дальше поворачивал. А прямо напротив был еще проход, с такими же линиями, как и на стеклах. За ним располагалась пещера, сырая и прохладная. В темноте была видна арка, и оттуда тянуло свежим воздухом. И перед самым выходом журчал и пенился водопад, и свет поблескивал сквозь льющуюся воду. Лионетта провела меня за водяной завесой в сад, до того красивый, что в глазах начинало рябить. Он утопал в зелени; посреди деревьев пестрели цветы всех